

пролетариата и до сих пор с успехом отгрызает все тайны исторического развития. Надо только уметь им пользоваться. И нам нет никаких оснований отказываться от наследства Маркса — Энгельса — Плеханова. Переверзев рекомендует нам учиться у идеологов буржуазии того периода, когда она для защиты своих классовых интересов вынуждена была отказаться от борьбы классов и перешла на точку зрения бездейного искусства. Мы же предпочитаем, если уж речь идет о заимствовании у идеологов буржуазии, заимствовать у тех ее теоретиков, которые выражали ее революционные, освободительные стремления. Переверзевы пусть идут своей дорогой.

IX. ПОНИМАНИЕ СУЩНОСТИ РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Иной нетерпеливый читатель спросит: так уж во всем Переверзев и противоречит Плеханову? Ведь есть же пункты, в которых он действительно согласен с ним? Я готов теперь удовлетворить любознательного читателя и отвечаю: да, такой пункт есть. Он настолько важен для понимания позиции Переверзева, что необходимо осветить его со всей подробностью. В этом пункте обнаруживается, какую политическую позицию занимает наш славный и объективный критик. А политическая позиция всякого данного теоретика есть ключ к пониманию всех его остальных воззрений.

Пункт, о котором я говорю, — понимание сущности государства. Это — единственный вопрос, где Переверзев действует в полном согласии с Плехановым. Но не станем торопиться с выводами. Пусть читатель сделает их сам. А пока дадим слово Переверзеву, и он сам изложит нам свои воззрения на государство. Постараемся по возможности его не перебивать.

«Поместное дворянство, вызванное к жизни потребностями государственного строительства в эпоху натурального хозяйства, когда, за отсутствием денег, государство давало своим агентам в кормление землю и крепостных, сделалось совершенно ненужным с развитием менового хозяйства и денежного оборота. Уже в XVIII в. дворянское ополчение заменилось рекрутчиной, а кормленщики, воеводы и волостели — платными чиновниками. Указ о вольности дворянской, освобождавшей дворянство от обязательной службы, в сущности был официальным признанием социальной ненужности этого класса»¹.

¹ Переверзев, Творчество Гоголя, стр. 110.

Не угодно ли? Тут опять — такой кладезь премудрости, такое богатство мыслей, что надо в них хорошенько разобратся. Итак, было время, когда помещного дворянства не существовало. Потом у государства появилась потребность в нем, и целый класс был создан по воле государства. Переверзев все время уверял, что «политическая жизнь ничего не может создать в образной системе литературы». Но все творчество Гоголя с точки зрения нашего автора как раз и состоит в воспроизведении социального характера помещного дворянства. Сам же этот класс оказывается созданием государственной власти, т. е. той же «политической жизни».

Переверзев и не думает как-нибудь увязать эти исключительные друг друга положения. Как мы уже знаем, именно в таких противоречиях, не имеющих ничего общего с диалектикой, и обнаруживается его знаменитый «монизм». Нас интересует в данном случае другое.

Марксизм с самого своего возникновения учил, что государство есть аппарат, создаваемый классом для подчинения и угнетения других классов. В частности, русское самодержавие было аппаратом, находившимся в руках дворянства и торгового капитализма; оно создано блоком этих двух социальных сил для подавления сопротивления эксплуатируемых ими классов. Не государство создало помещное дворянство, а наоборот, — помещное дворянство создало государственную власть как орудие своего господства. Скажут: но зачем же вы проповедуете азы, всем известные? В том-то и дело, что эти азы неизвестны Переверзеву. Или они ему известны, но он не желает считаться с ними, ведет с ними борьбу. Это еще хуже. Поэтому мы вынуждены напомнить ему, в чем состоит марксистское воззрение на сущность государства.

Какие же это потребности государственного строительства побудили государство создать помещное дворянство путем посадки на кормление своих агентов? Переверзев этого не говорит, но ясно, что тут речь идет о потребностях обороны государства от степных хищников и от западных соседей. В эту пору государство закрепило все классы, в том числе и дворянство, себе на службу для защиты целостности государства от покушений извне. Когда отпала надобность в такой защите, государство грамотой о вольности дворянства раскрепостило помещиков, а в 1861 г. были отпущены на волю и крестьяне.

Чья же перед нами теория государства? Плеханова. Он защищает ее в своей «Истории русской общественной мысли». Весь русский исторический процесс представляется ему там осуществлением этой теории.

Я сказал, что Переверзев заимствовал эту часть своего учения у Плеханова. Я имел в виду Плеханова последнего периода жизни, когда он перестал быть идеологом пролетариата. В те времена, когда он был марксистом, он имел иные воззрения на этот счет. Он разделял марксистскую теорию государства. Приведу в доказательство этого выдержку из одной ранней работы Плеханова.

«Как только экономическая история данного общества выдвинет новые элементы поступательного движения,— говорит здесь Плеханов,— прогрессивная роль данного господствующего класса будет окончена. Из представителя прогресса он делается заклятым его врагом и, разумеется, воспользуется государственной машиной с целью самообороны... Чтобы открыть свободный путь развитию производительных сил общества, необходимо устранить тормозящие это развитие имущественные отношения... Но это невозможно до тех пор, пока законодательная власть находится в руках представителей старого порядка, т. е., говоря другими словами, пока она охраняет интересы господствующего класса. Неудивительно поэтому, что новаторы, т. е. представители угнетенного класса или классов, будут стремиться выбить из рук своих противников и обратить против них это страшное оружие. Сама логика вещей выдвинет их на путь политической борьбы и захвата государственной власти»¹.

Так вот Переверзев усвоил себе не эти марксистские взгляды на государство, а учение, воспринятое Плехановым, когда он обратился против марксизма. Но приведем еще одну, более яркую формулировку того же, более раннего, воззрения Плеханова на государство: «Теперь он (угнетенный класс.— С. Ш.) понимает, какая связь существует между обществом и государством, и апеллирует на притеснения своих эксплуататоров к тем, кто представляет собою политический орган той же эксплуатации. Он знает, что государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, крепость, которую можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет»².

Я сказал, что Плеханов воспринял свое новое воззрение на государство, а не создал его. Учение о внеклассовом характере русского самодержавия создано было задолго до Плеханова. Автор его — Борис Чичерин. Ему нужно было возве-

¹ Плеханов, т. II, стр. 56—57.

² Там же, стр. 58.

личить роль государства, которое якобы имеет власть создавать и уничтожать, закрепощать и освобождать классы, потому что только сильная государственная власть могла «безболезненно» для помещиков провести деликатную операцию «освобождения» крестьянства и выкачивания из него денег на капитализацию помещичьего хозяйства.

Ограничусь по возможности одной короткой выдержкой, чтобы дать читателю понятие о существе помещичьей теории государства. Чичерин пишет: «Оно (государство.— С. Ш.) не делало исключений ни для кого: оно от всех сословий требовало посильной службы, необходимой для величия России. И сословия покорились и служили эту службу. До самых времен Екатерины продолжалась эта система повинностей, которая лежала в основании всех учреждений того времени. Но когда государство достаточно окрепло и развилось, чтобы действовать собственными средствами, оно перестало нуждаться в этом тяжелом служении. При Петре III и Екатерине с дворянства сняты были его служебные обязанности. Жалованною грамотою 1785 г. оно получило разные права и преимущества... Это была награда за долговременное служение отечеству»¹.

Чем же отличается философия истории Переверзева от философии истории Чичерина? Ничем. Плеханов воспользовался готовым учением Чичерина о государстве, как орудием в борьбе с большевиками. Не для тех же ли целей поднял эту старую теорию и Переверзев в своих работах?

Но тут, я чувствую, пора уступить место знатокам и специалистам этого дела. Иначе Переверзев может сказать, что мои рассуждения о государстве являются искажением марксизма и совершенно не авторитетны и не доказательны для него. Поэтому предоставим слово такому авторитету в деле истории самодержавия, каким является ученый большевик М. Н. Покровский. По его словам, Плеханову «надо было показать, что в формальном политическом моменте, трактуемом большевиками так презрительно, вся суть дела. Что прав был Плеханов и кадеты, когда они советовали сначала обеспечить себе эту формально-политическую сторону, завоевать хорошую конституцию, а потом уже разговаривать о захвате власти. Действовать наоборот, значило идти против течения всего русского исторического потока: и надо было это показать невежественным людям. Формально-политический момент, воплощенный в созданной потребностями национальной обороны государственной власти, сотворил Рос-

¹ Цитируется по книге М. Н. Покровского «Марксизм и особенности исторического развития России».

сию со всем ее общественным строем, а они этот момент игнорируют»¹.

Дальше М. Н. Покровский приводит длинную цитату из Плеханова, показывающую, как он понимал чичеринскую концепцию. Мы принуждены ограничиться здесь приведением лишь нескольких строк из нее. Без этого обойтись невозможно, ввиду крайней важности вопроса.

«В стране, продолжавшей оставаться колонизирующей страной, — пишет Плеханов, — это роковым образом вело ко все большему и большему закреплению всех слоев населения, а в особенности трудящейся массы, для непосредственной или посредственной службы государству... Крестьянин и посадский человек были закрепощены для того, чтобы дать дворянину экономическую возможность нести свою крепостную службу государству... Государство это отличалось от западных тем, что закрепостило себе не только низший земледельческий, но и высший служилый класс, а от восточных, на которые оно очень походило с этой стороны, тем, что вынуждено было наложить гораздо более тяжелое иго на свое закрепощенное население»².

Как видит читатель, это и есть тот самый взгляд, который Переверзев положил в основу своего анализа творчества Гоголя. Но теории вырастают на почве определенной психологии. А эта последняя имеет своим стержнем классовый интерес. Теперь истина сия известна у нас любому школьнику.

Идеологом какой же социальной группы выступает в данном случае Плеханов? Не рискуя вступить в единоборство с сердитым проф. Переверзевым, я опять спрячусь за авторитет М. Н. Покровского. Он пишет о Плеханове:

«Не испуг, а теория загнала Плеханова к оборонцам — теория, отражавшая интересы отнюдь не класса предпринимателей (которые в России и оборонцами стали далеко не сразу), а их образованных слуг, того слоя, который можно назвать технической интеллигенцией. Этот слой уже успел создать на Руси свою идеологию. То была идеология легального марксизма, не отрицавшего влияния бытия на сознание, но отрицавшего классовую борьбу и воспевавшего, в лице Струве, внеклассовое государство. Этот марксизм без революции был вполне приемлем и для левого крыла кадетов, многие из которых в теории мало отличались от правых меньшевиков»³.

Слышит ли проф. Переверзев эти слова? Он клянется марксизмом, но в основе его мировоззрения лежит такая политическая концепция, которая на деле является «легальным марксизмом». Такой марксизм был приемлем даже для кадетов. Переверзев уверял весь честной мир, что его точка зрения отражает интересы пролетариата, а на деле оказывается, что он в этом случае выступает в качестве идеолога образованных слуг класса капиталистов. Он, разумеется, не согласен с такой характеристикой своей теории. В таком случае я предлагаю ему поспорить с М. Н. Покровским и доказать ему свою правоту.

Но М. Н. Покровский еще не кончил. «Этому слою, — продолжает он изболтать Переверзева, — нужна была не только своя «внеклассовая» власть, но и своя «философия русской истории» — не революционная, ибо он смутно предчувствовал свою судьбу в дни массового революционного движения (уже в декабре 1905 года его принудительно заставляли питаться черным хлебом), но все же почти материалистическая, с классами, но без борьбы классов по возможности»¹.

У Переверзева мы как раз и имеем все указанные здесь черты. Классы он признает. Но классовую борьбу в литературе сводит, «по возможности», к борьбе стилей, а потом и самые стили ставит вне зависимости от политической жизни. А самую суть творчества об'являет независимой от политической борьбы. Переверзев — не историк. Он — теоретик искусства, литературный критик. Но он создал такую теорию искусства и такую историю литературы, которая целиком отражает интересы не пролетариата, а совсем иных социальных групп, на которые ведет наступление пролетариат, в качестве представителя которых выступил под конец жизни Плеханов. Исторические взгляды Переверзева лишь облегчают понимание тех социальных корней, которые питают его концепцию.

Но дадим закончить т. Покровскому свои мысли. «Этому слою, — говорит он, — нужен был свой идеолог, и он нашел его в лице Плеханова после 1905 г. Последний не просто поддался влиянию буржуазных книжек. Буржуазные книжки были ему нужны для обоснования его собственных мыслей. Но обосновывал-то он теперь не наступательные стремления пролетариата, а оборонительные со всех сторон стремления того общественного слоя, который командовал пролетариатом от имени капитала, но не прочь был стать командиром и от своего собственного имени»².

¹ Цитированное сочинение, стр. 16—17.

² Там же, стр. 17.

³ Там же, стр. 19.

¹ Цитированное сочинение, стр. 19.

² Там же.

В своей теории искусства Плеханов никогда не опускался так низко, как он это сделал в своей философии истории и в политической борьбе. Эту работу опощления и приращения марксизма в применении к искусству, — эту неблагодарную работу взял на себя и выполняет до сих пор Переверзев. Он выступает как теоретик искусства и литературный критик от имени тех социальных групп, на которые наступают пролетариат, а вовсе не от имени самого пролетариата, как Переверзев пытается с большим или меньшим успехом уверить в том неопытных людей. Пролетариат ведет наступательную борьбу с буржуазным обществом и для него совершенно непригодна теория искусства, обосновывающая оборонительные стремления слоев, ведущих борьбу против пролетариата и его мирозерцания.

«Марксизм» Переверзева есть струвизм в применении к искусствоведению. Его история философии выдает с головой ту социальную почву, на которой растет дерево его теории, приносящее такие бесцветные и безвкусные плоды.

Для обоснования наступательных стремлений пролетариата учение Переверзева явно не годится, но оно отлично гармонирует с защитой позиций и интересов представляемого Переверзевым социального слоя от наступления пролетариата. Мы же от Плеханова знаем, что оборонительное положение класса не способствует выработке в его идеологах любви к истине и рыцарского служения ей.

После Плеханова, уже в совсем недавнее время, ту же самую теорию начертал на своем знамени Троцкий. У него она служила также орудием борьбы с большевизмом, с ленинизмом, в чем прямо признается сам Троцкий, говоря: «Вызвана она была непосредственно стремлением исторически обосновать и теоретически оправдать лозунг завоевания власти пролетариатом, противопоставленный как лозунгу буржуазно-демократической республики, так и лозунгу демократического правительства пролетариата и крестьянства».

Покровский замечает по поводу этого признания, что историческая теория Троцкого «относительно не случайна, но была им выработана, как одно из орудий в его борьбе с ленинизмом» («лозунг демократического правительства пролетариата и крестьянства»).

Всякий раз, как извлекалась на свет божий эта помещичья по происхождению схема русского исторического процесса, она неизменно становилась орудием борьбы против освободительных стремлений пролетариата, против его партии. У Переверзева она тоже не может иметь никакого иного значения. Теория эта бита и у Плеханова и у Троцкого.

Бита благодаря железному напору и стойкости пролетариата, обусловившей кристалльность и твердость его идеологии.

А вот в книжках Переверзева, под сенью его «объективных» изысканий о творчестве Гоголя, эта действительно «пресловутая» теория ютится и продолжает сбивать пролетариат с пути, который один может принести ему освобождение.

Переверзев прямо по своему обыкновению бахвалится, оставив в стороне всякую скромность. «Новых достижений нет, — пишет он в предисловии к своей работе о Гоголе, — и моя книга без всяких изменений и исправлений остается теперь такой же новой, как и десять лет назад, при первом ее издании»¹.

Что же, Переверзев находит и свою историческую концепцию новой? Ведь она занимает в его этюде совсем не последнее место. На ней основываются очень многие из его важнейших выводов (рассмотрение которых выходит за пределы данной работы).

Мы преследуем эту теорию как враждебную. М. Н. Покровский так оценивает ее: «Схема эта, во-первых, не наша; а во-вторых, объективно неверна»². Переверзев же, как ни в чем не бывало, объявляет во всеуслышание, что никаких новых достижений нет и что его книга попрежнему нова, никаких изменений и исправлений не требует. Можно ли быть откровеннее и циничнее?

Анализ переверзевских взглядов на искусство показывает, что они теснейшим образом связаны с этой антипролетарской теорией русского исторического процесса. И эта теория и литературные взгляды Переверзева выросли на общей основе: отрицательном отношении к освободительной борьбе рабочего класса.

Всякий, кто читал работу Переверзева о Гоголе, знает, что очень многие черты творчества Гоголя он объясняет, исходя из натурального характера помещного хозяйства. Извольте видеть, государство потому сажало своих агентов на кормление, что у него не было денег. Как только развилось меновое хозяйство и появились в достаточном количестве деньги — помещное дворянство сделалось совершенно пенужным. Но это же давно опровергнутый голый вздор!

Не потому появилось крепостничество, что государство закрепило себе своих агентов, а за ними в свою очередь были закрепощены и крестьяне. Нет, именно развитие мено-

¹ Переверзев, Творчество Гоголя, стр. 17. Разрядка моя. — С. III.

² Цитированное сочинение, стр. 21.

вого хозяйства побуждало помещиков выбрасывать на рынок все большие массы хлеба, продавать его и на вырученные деньги удовлетворять свои потребности, возраставшие также по мере развития обмена. Чтоб производить больше хлеба, помещное дворянство нуждалось в рабочих руках. Именно эта потребность в обеспечении себя рабочими руками принудила дворянство все более и более закрепощать крестьян. Слышал ли Переверзев об этом? Конечно, слышал. Он — не новичок в политике, не со вчерашнего дня участвует в общественном движении. Он — старый, травленный волк. Слышал, но не поверил. Потому что он рассматривает действительность сквозь очки идеологии и психологии вот тех самых социальных групп, о которых нам рассказывает Покровский. Об'ективные исторические факты «проецируются» в его сознании в совершенно искаженном виде. А Переверзев уверяет всех, что он воспроизводит действительность со всеми ее атрибутами.

Так называемый указ о вольности дворянства он трактует как признание государством того факта, что дворянство ему больше не нужно. На деле же экономические и, политические льготы, приобретенные дворянством при Екатерине II, знаменовали собою феодальную реакцию против засилья в государственном аппарате торгового капитализма, укрепившегося там со времен Петра I. Дворянские вольности могли быть получены в результате усиления дворянства, его большего давления на государственную власть, которой оно диктовало свою волю.

Переверзев наивно замечает: «Между тем, тот же указ сохранил во всей силе привилегии дворянства на владение землей и людьми». Как же могло произойти это странное для нашего ученого исследователя обстоятельство, если бы дворянство не было хозяином положения, если бы оно не держало в своих руках государственную власть? Если, скажем, современная буржуазия в капиталистическом строе представляет себе всякие «вольности», то значит ли это, что государство признает для себя этот класс ненужным, бесполезным и раскрепощает его? Думать так, значит — опрокидывать все вещи на-голову в угоду классовому предрасудку.

Именно потому и реализуются вольности, что государственный аппарат есть не более чем комитет, заведующий делами класса капиталистов. Ну, а класс не может признать сам себя ненужным. Так же обстояло дело и с русским дворянством. Его давно признали ненужным и пролетариат и крестьянство, но свои «вольности» они могли провозгласить лишь после того, как сделали государственную власть

своим орудием и обрушили его со страшной силой на голову дворянства и буржуазии.

Но, может быть, я придираюсь к случайно брошенным фразам? Вот посмотрите, Переверзев повторяет свою аргументацию на многих страницах работы о Гоголе. «Крепостные отношения, — пишет он, — имели свою логику и после раскрепощения дворянского сословия грамотой о вольности дворянской. Государственное, экономическое и культурное строительство шло мимо этого сословия, совершалось помимо его, и приняты участие в социальном творчестве только и было возможно, докинув это обреченное на вырождение сословию»¹.

Но что же такое «государственное строительство»? Это, прежде всего, — подавление сопротивления эксплуатируемых классов. Так неужто оно шло «помимо этого сословия»? Кто ж этому поверит? Пока государственная власть сохранялась в руках помещиков, то и «экономическое строительство» не могло идти мимо помещичьего сословия. Вплоть до самой Октябрьской революции они использовали государственную власть, чтобы заставить идти экономическое развитие в своих интересах.

Вот, например, монопольное обладание землей, — экономическое это строительство или нет? А именно помещичье землевладение и было одной из важнейших экономических основ абсолютизма. Государственная власть призвана была как раз охранять неизблемость этой основы. Так же обстоит дело и с культурным строительством. Разве оно не носило на себе до самого последнего времени печати дворянства? Чего же стоит эта фраза Переверзева? Она годится лишь как средство замазывания действительного положения вещей, как средство затуманивания классового сознания эксплуатируемых.

Переверзев продолжает: «Получив свободу служить или не служить, помещик должен был дать крестьянину свободу работать или не работать, т. е. ликвидировать окончательно крепостной порядок, если он хотел принять деятельное участие в общественной жизни»².

Раз Переверзев ожидает этой меры от самих помещиков, а по его же теории все сословия закрепощены были государством, то стало быть он должен признать, что государство было в руках дворянства. Иначе какой же смысл предъявлять требования о раскрепощении крестьянства помещикам, если государство представляет собой силу, независимую от помещика, закрепощавшую его самого? Тут

¹ Переверзев, Творчество Гоголя, стр. 121—123.

² Там же, стр. 122.

Переверзев опять впадает в столь излюбленный им монизм, т. е. в невылазную путаницу противоречий.

Что же касается деятельного участия помещиков в общественной жизни, то сам Переверзев сообщает нам, что это был единственный класс, осуществлявший такую деятельность, призванный к гражданскому строительству и сохранению дворянского сословия справится у крестьян. Они на собственной шкуре очень хорошо poznали «деятельное участие» помещиков в общественной жизни.

Могу привести еще один образчик «монизма», хоть и знаю, что читатель уже достаточно успел оценить его несравненные достоинства. «Тентетников совершенно не понимал, — сообщает нам Переверзев, — что юридические тонкости, о которых толковали профессора-философы, касались свободных людей, а не рабов и рабовладельцев, и что в руках крепостника они должны были обратиться в бессмыслицу. Он не понимал, что школа для рабов это — nonsens»¹.

В другой своей работе тот же автор, как ни в чем не бывало, выступает с энергичной защитой прямо противоположного взгляда. Пусть судит сам читатель, прав ли я, обвиняя в этом Переверзева.

«Крепостные отношения, — пишет он, — были отношениями, закрепленными определенным правом и определенной моралью; совершая самые жестокие зверства над своими крепостными, помещик вовсе не считал себя борцом против права и морали, а наоборот, опирался на право и мораль. По этому праву и морали выходило, что крепостные — «быдло» — «скот», к которому нет и не может быть никаких обязанностей... Совершая жестокости, он только пользовался своим правом»².

Чего только не вменяет многодумная голова нашего ученого исследователя литературы, прямо диву даешься! Во всех этих афоризмах он, впрочем, не открывает Америки. В. Майков, многие ошибки которого так упорно повторяет Переверзев, считал «прямо бесполезными толки о просвещении рабочего класса и об усилении его политического значения». Один автор додумался даже до того, что на этом основании провозгласил В. Майкова последователем Маркса. Плеханов замечает по поводу этого домысла:

«Известно, что Маркс был как нельзя более далек от такого взгляда; он считал такие «толки» не только полезными, а прямо обязательными для людей, стоящих на точке зрения пролетариата. В его публицистических работах по-

стоянно повторяются указания на то, что рабочий класс должен стремиться к развитию своего самосознания и к приобретению политической власти. Можно ли назвать марксистом человека, считающего прямо бесполезными обе эти задачи? А В. Майков действительно, считал их «бесполезными»¹.

Переверзев, я знаю, может ответить: так ведь тут идет дело о рабочем классе. Это совсем особая статья. Да кроме того, тут говорится, что просвещение необходимо рабочему с его собственной точки зрения. А капиталист придерживается иного взгляда. Разберем эти возражения. Рабочий — такой же раб в современном обществе, как крепостной крестьянин, хоть и обладает юридической свободой и даже «равенством» со своим эксплуататором. Формальное различие не устраняет сходства по существу. Знание условий своего освобождения — вот, прежде всего, что такое просвещение для обоих. И школа, которая могла бы дать им такое просвещение, не была бы nonsens'ом для них.

Она совсем не бессмыслица и для помещика, если она внедряет в сознание рабов идею покорности, идею вечности и неизбежности строя, зиждущегося на рабстве огромного большинства населения. Такие школы и помещики и капиталисты умели создавать и ценить. История русской школы до революции и современной буржуазной школы в капиталистических странах иллюстрирует наилучшим образом справедливость этого утверждения. В этом вопросе, как во многих других, Переверзев шествует по стопам не Белинского и Чернышевского, а по стопам В. Майкова, общее направление развития которого Плеханов определяет следующим образом: «Мы можем с полной уверенностью повторить: направление это резко разошлось с тем, по которому шла сначала мысль Белинского, потом Чернышевского и Добролюбова, и, наконец, русских марксистов»². Но последуем далее за Переверзевым.

«В самом деле, — продолжает он философствовать, — куда могла быть приложена эта энергия (помещика. — С. Ш.)? В сфере социально-политического творчества? Но в качестве политической силы... класс душевладельцев сделался unnecessary уже с грамоты о вольности дворянской. В сфере хозяйственной, экономической? Но помещик получал землю и крепостных для кормления, а не хозяйствования, и оставался все таким же кормленщиком теперь»³.

¹ Переверзев, Творчество Гоголя, стр. 122.

² Переверзев, Творчество Достоевского, стр. 134.

¹ Плеханов, т. XXIII, стр. 249.

² Там же, стр. 258.

³ Переверзев, Творчество Гоголя, стр. 127.

Не могу удержаться от искушения привести еще один перл переверзевского глубокомыслия. Помещику были закрыты пути хозяйственной и общественной деятельности. «Остается, — говорит Переверзев, — еще область теоретического творчества, но активные натуры вообще мало сродны к нему». Откуда Переверзев взял это утверждение? Маркс был активен, как никто. А ведь в области «теоретического творчества», он создал поистине непревзойденные образцы. Переверзев взял эпиграф к своей книжке о Гоголе из Белинского. У него же он мог бы заимствовать следующую мысль: «Всякий гений, всякий великий деятель есть человек практический, хотя бы он действовал даже в сфере отвлеченного мышления»¹.

Это куда более верное понимание вопроса. Да что там говорить о таких гигантах мысли как Маркс, Ленин, Белинский! Возьмите самого Переверзева: пассивная натура, какой он, очевидно, считает себя, не могла бы столько напутать в области теоретического творчества». Вообще аргумент «от природы», независимо от условий, в которых она действует и которые определяют направление и характер ее деятельности, есть аргумент метафизический, ничего общего с диалектикой не имеющий.

Маркс был, повторю, натурой в высшей степени активной. Именно в качестве такой природы он критиковал пассивный, созерцательный материализм Фейербаха. Переверзев ссылался на первый тезис Маркса о Фейербахе в защиту своей позиции. Но он попросту не понимает, о чем идет речь у Маркса. Так как вопрос этот имеет большую важность, то я принужден напомнить, что говорил Маркс:

«Главный недостаток материализма, — до фейербаховского включительно, — состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир лишь в форме объекта, или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно. Поэтому деятельную сторону, в противоположность материализму, развивал до сих пор идеализм, но развивал отвлеченно, так как идеализм естественно не признает конкретной деятельности, как таковой».

Материализм же Маркса отличался именно выдвижением практической, действенной, революционизирующей роли человека. Развитие деятельной стороны перестает именно со времени возникновения философии Маркса быть делом исключительно идеализма.

¹ Белинский, изд. 1860 г., т. X, стр. 269.

Маркс продолжает: «Фейербах хочет иметь дело с конкретными объектами, действительно отличными от объектов, существующих лишь в наших мыслях. Но он не доходит до взгляда на человеческую деятельность как на предметную деятельность. Вот почему в «Сущности христианства» он рассматривает как истинно человеческую деятельность только деятельность теоретическую, между тем как практика понимается и изображается там лишь в грязно-жидовской форме своего проявления. Вот почему также он не понимает значения «революционный» практически — критической деятельности».

Словом, этими тезисами и еще в большей мере, разумеется, всей деятельностью Маркса как нельзя лучше засвидетельствована активность его природы.

Теоретическое и практическое творчество тесно переплетается между собой. Само теоретическое творчество служит практике, облегчает ее работу, помогает ей, направляет ее; теория, в свою очередь, вырабатывается в процессе практической деятельности человека. Выходит, чем активнее «натура», тем более она ощущает необходимость в теоретическом творчестве. Без теории ослабляется успешность практической деятельности человека. Только то теоретическое творчество есть действительно творчество, которое доказывает свою действительность практикой. Так смотрел на дело Маркс. А Переверзев? Он считает теоретическое творчество монополией пассивных натур. Разве это похоже на марксизм и разве не напрасно, не всеу ссылается наш автор на тезисы Маркса о Фейербахе?

Но я чувствую: всех цветов теоретического творчества Переверзева мне не вместить в узкие рамки этой работы.

«Собакевич, — продолжает Переверзев, — не мог сделаться служилым человеком, получающим кормление от государевых крестьян. Служить он мог только в качестве чиновника за деньги, а не в роли помещика, а с крестьян мог только тянуть ни за что, ни про что барщину да оброк, а не кормление»¹.

Нет, стало быть не оговорился Переверзев, не случайны его воззрения на государство, нельзя их считать вырвавшейся неловкой фразой. Это — целая система взглядов, глубоко враждебная марксизму. И именно здесь, в этих взглядах, политический стержень всей его историко-литературной концепции. Политическая позиция, как я уже говорил, определяет собой все остальные воззрения. М. Н. Покровский пишет о Чичерине: «Одна выдержка из этой статьи даст нам

¹ Переверзев, Творчество Гоголя, стр. 144.

понятие о политической физиономии Б. Чичерина: с этого приходится начинать, ибо у историка, как у всякого человеческого существа, «бытие определяет сознание»¹.

Еще раз Переверзев имеет возможность убедиться как далеко его понимание взаимоотношения объекта и субъекта от марксистского. Положение класса в его борьбе с другими классами, — вот то бытие, которое определяет сознание. Именно такое бытие имел в виду Маркс, когда он писал в пятом тезисе о Фейербахе: «Сущность человека — это вовсе не абстракт, свойственный отдельному лицу. В своей действительности это есть совокупность всех общественных отношений». Вот это бытие, совокупность всех общественных отношений, а не изолированное бытие одного класса определяет собою сознание и художника, и историка и критика. Стержень сознания, его корень, — в политических воззрениях всякого данного теоретика.

Идеологи русской мелкой буржуазии 90-х годов, правые, революционные народники, усвоили себе чичеринскую схему русского исторического процесса. М. Н. Покровский считает это естественным. «Мелкая буржуазия, — говорит он, — часто рядится в обноски крупной. Но не годится одевать в эти обноски пролетариат»².

А Переверзев занимается как раз этим неблагоприятным делом. В споре с Троцким тот же историк-большевик писал: «Подведем итоги. Историческая теория т. Троцкого не есть теория Маркса... Двух пролетарских концепций быть не может. Если марсова концепция — пролетарская, то, значит, концепция т. Троцкого имеет какую-то другую классовую базу... Историческая теория Троцкого совершенно подтверждает тот приговор, который вынесла партия о троцкизме вообще»³.

Вот это самое я утверждаю по отношению к учению Переверзева об искусстве. Двух марксистских концепций искусства быть не может. И если учение Плеханова марксистское, то учение Переверзева, очевидно, имеет какую-нибудь другую, не пролетарскую классовую базу.

«Что это такое, — спрашивает М. Н. Покровский, приведя выдержку из Троцкого, — как не теория внеклассового государства, которую развивал Миллюков без помощи марксистской терминологии и Струве — с помощью последней?»⁴.

Но Переверзев развивает именно эту концепцию, хоть, как и Струве, прибегает к прикрытию ее марксистской терми-

¹ Цитированное сочинение, стр. 50.

² Там же, стр. 53.

³ Там же, стр. 53—54.

⁴ Там же, стр. 22.

логией. Вся его система литературно-критических взглядов имеет свой источник в политической позиции ее автора, нашедшей свое наиболее резкое выражение в теории государства, которую он защищает. Теория и история искусства Переверзева построены на враждебной пролетариату основе. Марксизм Переверзева — это, как говорит Покровский об исторических взглядах Плеханова последнего периода, логальный марксизм. Его концепция — социал-демократическая концепция.

О внеклассовой теории самодержавия М. Н. Покровский говорит: «С этой теорией необходимо бороться самым решительным образом, не менее энергично, нежели мы боремся теперь с религиозными предрассудками. Я даже скажу больше: не так важно доказать, что Иисус Христос исторически не существовал, как то, что в России никогда не существовало внеклассового государства»¹.

Вот так же непримиримо, решительно, беспощадно нужно бороться и с концепцией Переверзева. Во-первых, эта теория искусства не наша; во-вторых, она объективно неверна.

Х. ДОСТОЕВСКИЙ, ПЕРЕВЕРЗЕВ И РЕВОЛЮЦИЯ

Политическая жизнь не действует на образную систему литературы, и наоборот: литература ничего не может изменить в политической системе. Так говорит Переверзев. Какой вывод следует отсюда для литературоведа? Тот, что ему бесполезно пускаться в рассуждения о политическом значении творчества писателя. Дальше. Истолкование образов, созданных художником, также не есть дело литературоведа. «Толкование художественных образов... не составляет объекта литературной науки... Объектом литературоведения являются лишь художественно идеологические моменты, к которым, однако, не относится понимание образов, چه бы оно ни было: критика, читателя произведения или его автора — безразлично»².

У каждого читателя эти строки вызывают недоуменный вопрос: как воспринимаются созданные художественные произведения — это обуславливается свойствами воспринимающего субъекта, всем сложным переплетом идей, настроений, чувств, стремлений, сквозь призму которых он рассматривает художественные образы. Очень хорошо. Но ведь образы, раз возникнув, становятся объективными фактами, сам Переверзев уверяет нас в этом. «В искусстве, — пишет он, — образ отде-

¹ Цитированное сочинение, стр. 23.

² «Литература и марксизм», стр. 13.